

I. ИССЛЕДОВАНИЯ

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФЕНОМЕНОЛОГИЯ

ANALYTICAL PHILOSOPHY & PHENOMENOLOGY

<https://doi.org/10.21638/2226-5260-2024-13-1-9-14>

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ГАРРИС РОГОНЯН

Кандидат философских наук, доцент.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

190068 Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: rogonyan@gmail.com

INTRODUCTION

GARRIS ROGONYAN

PhD, Associate Professor.

HSE University.

190068 St. Petersburg, Russia.

E-mail: rogonyan@gmail.com

© ГАРРИС РОГОНЯН, 2024

Есть ли у феноменологии и аналитической философии общие темы для разговора? Есть ли что-то, что они могли бы предложить друг другу в качестве интересных идей, аргументов, оценок? Ответить на эти вопросы не так-то просто, поскольку критерии того, что сегодня можно считать аналитической философией или феноменологией, довольно размыты и нередко вызывают споры. Сложно сказать, идет ли речь в обоих случаях о философском движении, школе, об отличительном стиле философствования или об особом интеллектуальном климате в исследованиях. Впрочем, многих наличие таких критериев не особенно беспокоит. Достаточно, по их мнению, рассматривать аналитическую философию и феноменологию как условные обозначения, помогающие сориентироваться в первом приближении при знакомстве с современной философией. Можно, конечно, говорить о них как о двух философских традициях, дабы указать для каждой из них на определенную совокупность проблем и методов их решения. Но и в этом случае мы столкнемся с тем очевидным фактом, что совокупность эта носит открытый характер. Например, в случае аналитической философии сложно сказать, есть ли у нее какое-то ортодоксальное ядро, или то, что можно было бы считать официальным учением. В случае же феноменологии мы, конечно, можем говорить об ортодоксии, роль которой до сих пор играют работы Э. Гуссерля. Тем не менее феноменологические «ереси» сегодня мирно сосуществуют с ортодоксией и часто благосклонно воспринимаются ею как законные наследники и продолжатели. Именно поэтому о феноменологии сегодня можно говорить как минимум в двух смыслах — в широком, указывая, среди прочего, и на такие направления, как герменевтика и экзистенциализм, и в узком, имея в виду только работы Гуссерля, комментарии к ним и развитие его идей с использованием разработанной им терминологии. Поэтому и тема данного номера изначально кажется двусмысленной и скорее вызывает вопросы: о какой феноменологии здесь идет речь и какая аналитическая философия здесь имеется в виду?

Тем не менее, несмотря на размытость критериев принадлежности, у феноменологии и аналитической философии есть кое-что общее — то, что, казалось бы, могло послужить основой для диалога между этими традициями. В качестве исторических феноменов обе традиции берут свое начало в конце XIX — начале XX века. Более того, у них есть как минимум один общий источник — работы Г. Фреге, которыми вдохновлялись как Б. Рассел, так и Э. Гуссерль, два официальных отца-основателя аналитической философии и феноменологии соответственно. Обе традиции, если угодно, являются ровесниками. Однако спустя более чем век с момента зарождения этих философских традиций,

можно сказать, что судьба у них сложилась по-разному — как с точки зрения их внутреннего развития, так и с точки зрения их распространения и влияния на гуманитарные науки. Общие истоки еще не гарантируют взаимопонимание или заинтересованность друг в друге.

Действительно, помимо происхождения, другой общей чертой для обеих традиций является почти полное игнорирование ими друг друга, временами напоминающее «холодную войну». Это тем более удивительно, что обе традиции изначально декларировали строгость, ясность и систематичность в своих подходах к решению тех или иных проблем. Разумеется, нельзя отрицать факт их взаимного, хотя и подспудного влияния друг на друга. Например, один из самых видных представителей аналитической философии, У. Селларс, начал с изучения феноменологии под руководством М. Фарбера. И это не могло не отразиться на его работах, хотя он и редко упоминал в них Гуссерля. В конечном счете именно благодаря феноменологии в аналитической философии стали привычными такие понятия, как интенциональность или интерсубъективность. Но даже такое влияние можно считать лишь локальным и во многом случайным. В остальном это взаимное влияние сводилось скорее к сдержанной недоброжелательности и пренебрежительным замечаниям. И историкам философии еще предстоит выяснить причины такого неприязненного отношения друг к другу.

Впрочем, сегодня ситуация постепенно меняется, и мы можем наблюдать, как обе традиции сближаются в самых разных областях исследований, будь то проблемы языкового значения, восприятия, других сознаний и т. д. От часто звучавших призывов к диалогу философы, кажется, наконец перешли к делу. Поэтому, помимо истории взаимоотношений между аналитической философией и феноменологией, особый интерес сегодня представляют, прежде всего, перспективы их дальнейшего сотрудничества. Кроме того, для обеих традиций такие контакты могут послужить еще и для их собственного самоопределения — всегда ведь интересно узнать, что одна традиция может позаимствовать у другой, и, следовательно, узнать, какими глазами она на нее смотрит.

В качестве примера можно обратиться к аналитической философии. Сегодня все более распространенным среди философов является мнение о закате аналитической философии (как бы парадоксально это ни звучало на фоне ее растущей популярности в академической среде и даже у широкой публики). Есть разные мнения относительно того, в чем заключается этот закат аналитической философии (особенно если не до конца ясно, что она собой представляет). Однако среди них можно выделить две во многом противоположные точки

зрения. Первая заключается в том, что аналитическая философия просто переросла себя, что в силу разных причин она вышла за дисциплинарные, стилистические и прочие рамки, с которыми часто связывали ее представление о самой себе. При этом тематическое и методологическое разнообразие аналитической философии якобы говорит о том, что традиция по-прежнему жива и сохраняет себя в этих трансформациях. Вторая же заключается в том, что, вступив в стадию разложения, аналитическая философия не нуждается в сохранении, а все самое ценное в ней можно спасти, если начать открывать доселе плотно закрытые двери. Речь, конечно же, об истории философии и о том, что условно называют «континентальной» философией, видное место в которой занимает феноменология. Действительно, считается, что раньше аналитическая философия, как правило, либо игнорировала историю философии, либо подходила к ней очень избирательно, обращая внимание лишь на то, что ей нужно для решения тех или иных задач. Всем известно «слепое пятно» аналитической философии относительно истории философии, а точнее, та «серая зона» после Канта и вплоть до Фреге, в которую пускали только представителей моральной и политической философии. Долгое время такие философы, как Гегель, Маркс, Кьеркегор или Ницше, не могли в глазах аналитических философов конкурировать с Декартом, Локком или Юмом. Однако сегодня интерес к мыслителям прошлого постепенно перестает быть чем-то необязательным и прикладным. Аналитические философы не просто открывают для себя историю философии как источник для решения своих «современных» проблем. Сегодня они начинают видеть исторические корни этих проблем, то есть видеть их там, где, как им казалось, они работают в стерильной лаборатории логического анализа, в которой все инструменты упорядочены, а сами проблемы живут в отдельных пробирках. Все это и многое другое свидетельствует о том, что аналитическая философия подвергается сегодня серьезным трансформациям, смысл и направление которых не так-то просто определить. Определенно можно сказать только то, что большинство аналитических философов сегодня объединяет скорее прошлое (или даже только представление о нем, поскольку кто-то считает, что и наличие общей традиции — это скорее иллюзия), но отнюдь не настоящее и уж точно не будущее.

С другой стороны, всякая традиция жива, только если ее отрицают, то есть когда ее пытаются преодолеть, а не бережно передавать дальше, пусть даже и в отредактированном или адаптированном виде. Этот жест (оживляющего) отрицания по отношению к традиции часто повторяется в философии по крайней мере со времен Декарта. И аналитическая философия с феноменологией

не являются здесь исключением. В качестве примера можно взять отношения между двумя каноническими текстами аналитической философии — «Логико-философским трактатом» и «Философскими исследованиями» Л. Витгенштейна. В последней работе Витгенштейн именно критикует, а не просто поправляет свои взгляды относительно природы языка и его связи с реальностью. Другим примером может послужить «имманентная критика» М. Хайдеггером феноменологии Гуссерля (и в целом отношение Хайдеггера к философской традиции). Подобно тому, как Витгенштейн предъявлял претензии Фреге, Расселу и логическим позитивистам в том, что они недостаточно прислушиваются к *жизни* языка, так же и Хайдеггер предъявлял претензии феноменологии Гуссерля в том, что она недостаточно феноменологична, недостаточно радикально осмысляет феномен интенциональности, упуская тем самым вопрос о смысле бытия. И если что-то в такого рода отрицании и передается дальше (если здесь вообще можно говорить о традиции), то это относится, прежде всего, не к тому, *что* отрицают (то есть не в содержании, не в идеях или понятиях, не в проблемах или методах их решения), а к тому, *как* отрицают, в самом жесте отрицания. Именно в способе отрицания и сохраняется традиция. Можно даже сказать, что такое самоотрицание является надежным признаком состоявшейся традиции — и не только потому, что есть что отрицать, но и потому, что есть ради чего отрицать.

На основании вышесказанного можно предположить, что поиск общего для феноменологии и аналитической философии языка совсем не случаен. Дело в том, что когда какая-либо традиция в моменты кризиса пытается себя преодолеть, она становится открытой к контакту с другими традициями, к новым идеям и взгляду на себя со стороны. Возможно, именно поэтому феноменология и аналитическая философия привлекают друг друга — они находятся в одинаковом положении, обе пытаются ответить на вопросы «что такое феноменология?» или «что такое аналитическая философия?». Но именно поэтому предлагать какие-либо определения — значит заранее провоцировать очередное отрицание этих определений (или их толкований). Да и нет никакого смысла и необходимости в таких определениях (хотя особого вреда от них тоже нет). Авторы, которые пишут статьи и книги, руководствуются не определениями того, чем они занимаются, а скорее чувством меры, вкусом, убедительностью, аудиторией, к которой обращаются, и многими другими факторами. Короче говоря, всем тем, что сложно суммировать в одном-двух определениях. Тем более что размышлять вместе над какими-то темами можно и без навешивания друг на друга ярлыков. Неслучайно многие философы сегодня не торопятся назы-

вать то, чем они занимаются «феноменологией» или «аналитической философией».

Если резюмировать, то название выпуска «Аналитическая философия и феноменология» подразумевает как вопрос о том, что обе эти традиции собой представляют, так и вопрос о том, есть ли между ними что-то общее и в чем они отличаются друг от друга. И опубликованные здесь статьи являются своего рода ответами на эти вопросы: в них авторы — каждый по-своему, прямо или косвенно — демонстрируют то, как они понимают эти традиции, и то, как они видят отношения между ними.